

Ницше Фридрих Греческое государство filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Фридрих Ницше Греческое государство

Предисловие к ненаписанной книге (1871)

Мы, люди новых времен, считаем нашим преимуществом перед греками два понятия, которые как будто служат утешением миру, держащему себя совершенно по-рабски и при этом боязливо избегающему слова "раб": мы говорим о "достоинстве человека" и о "достоинстве труда". Все мучается из-за того, чтобы жалко прожить жалкую жизнь; эта ужасная потребность ведет к изнурительному труду, и вот на него соблазненный "волею" человек (или, вернее, человеческий интеллект) при случае смотрит с восхищением как на нечто полное достоинства. Но для того, чтобы труд мог требовать себе почетных титулов, необходимо, прежде всего, чтобы само существование, для которого он является мучительным средством, имело бы больше ценности и достоинства, чем это до сих пор было раскрыто в серьезных философиях и религиях. Что должны мы находить в рабочей нужде всех миллионов людей, как не стремление существовать во что бы то ни стало, то же всемогущее стремление, в силу которого и чахнувшие растения запускают свои корни в каменистую почву!

Из этой отчаянной борьбы за существование могут выплыть лишь единичные личности, которые тотчас же займутся благородными призраками художественной культуры, чтобы только не впасть в пессимизм, которого природа гнушается как своего прямого отрицания. В новейшем мире, который, если сравнить его с греческим, создает большей частью лишь уродов и кентавров, в котором единичный человек, подобно сказочному существу во вступлении к горацевой поэтике, весь пестро составлен из разнородных лоскутков, - в этом мире страстность борьбы за существование и потребность искусства сказываются часто на одном и том же человеке, а из этого неестественного слияния родилась нужда оправдать и освятить перед потребностью искусства ту первую страстность. Вот почему верят в "достоинство человека" и "достоинство труда".

Греки не нуждаются а подобных галлюцинациях понятий, они высказываются с устрашающей откровенностью, что труд есть позор, а более скрытая и реже высказываемая, но повсюду живая мудрость прибавляла, что и человеческое существо - позорное, жалкое нечто, "сон тени". Труд является позором, потому что бытие не имеет ценности само по себе; но если это бытие заблестит в заманчивом украшении художественных иллюзий и будет казаться действительно имеющим ценность само по себе - то и тогда положение, что труд есть позор, удерживает свое значение, и именно в сознании невозможности, чтобы человек, борющийся за простое продолжение жизни, мог бы быть художником. В новейшее время общие представления определяет не нуждающейся в искусстве человек, а раб: и как таковой, согласно своей натуре, он должен обозначать все отношения обманными именами, чтобы была возможность жить. Такие призраки, как достоинство человека, достоинство труда, являются убогим созданием скрывающегося самим перед собой рабства. Жалкое время, когда раб нуждается в таких понятиях, когда его подстрекают к размышлению о себе и о внешнем мире. Несчастные соблазнитель, плодом с дерева познания уничтожившие состояние невинности раба! Теперь он должен обнадеживать себя таким прозрачным обманом, как мнимым "общим равноправием", или так называемыми "основными правами" человека, как такового, или достоинством труда, - обманами, которые для каждого глубже мыслящего совершенно ясны.

Он ведь не должен понять, на какой ступени и на какой высоте можно еще говорить о достоинстве человека и труда: а именно там, где индивид уже перерастает и уже не вынужден рожать и работать в пользу продолжения своей индивидуальной жизни.

И даже на этой высоте труда греками овладевает иногда чувство, похожее на стыд. Лукиан с древнегреческим инстинктом говорит, что благородный юноша при виде Зевса и Олимпии или Геры в Аргосе не почувствует потребности быть самому Фидием или Поликлетом, а так же не пожелает он быть Анакреонтом, Филетом или Архилохом, как бы он не наслаждался их поэзией. Для греков художественное творчество подпадает под недостойное понятие труда, так же как и всякое ремесло. Но если в нем действует непреодолимая сила художественного стремления, тогда он должен творить и подчиняться той потребности труда. И как отец любит сына красотой и талантом своего сына, но

Ницше Фридрих Греческое государство filosoff.org
об акте своего происхождения думает со стыдливом отвращением, так было и с греком. Радостное восхищение перед красотой не ослепляло его относительно ее возникновения, которое, как всякое возникновение в природе, казалось ему властной потребностью, стремлением к бытию. То же чувство, с каким смотрят на процесс рождения как на нечто стыдливо скрываемое, несмотря на то что в нем человек служит цели более высокой, нежели цели индивидуального сохранения, - то же чувство покрывало зарождение великих художественных произведений, несмотря на то что ими основывается высшая форма существования, подобно тому как тот акт создает новое поколение. Стыд, стало быть, является там, где человек - не более как орудие волевых явлений, бесконечно больших, нежели он сам себе кажется в единичном образе индивида.

Теперь у нас есть общее понятие, под которое мы можем подвести ощущения греков относительно труда и рабства. И то, и другое было для них необходимым позором, перед которым испытываешь стыд, позором и необходимостью в то же время в этом чувстве стыда скрывается бессознательное убеждение, что настоящая цель нуждается в тех предположениях, но что в этой нужде и заключается устрашающее и хищническое естество сфинкса, именуемого природой, - того сфинкса, который так красиво обнаруживает нашим взорам свое девичье тело в виде прославления художественно-свободной культурной жизни. Образование, которое в сущности говоря, и есть настоящая потребность искусства, покоится на ужасном основании; и оно дает о себе знать в неясном ощущении стыда.

Для того чтобы была широкая, глубокая и плодородная почва для художественного развития, громадное большинство, находящееся в услужении у меньшинства, сверх меры своей индивидуальной потребности, должно быть рабски подчинено жизненной нужде. За их счет, благодаря избытку их работы, тот привилегированный класс освобождается от борьбы за существование, чтобы породить и удовлетворить мир новых потребностей.

Вследствие этого мы должны, скрепя сердце, выставить жестоко звучащую истину, что рабство принадлежит к сущности культуры: правда, это - истина, не оставляющая никакого сомнения абсолютной ценности существования. Она - тот коршун, что гложет печень у прометеевского ревнителя культуры.

Страдание и без того уже тяжело живущих людей должно быть еще усиленно, чтобы сделать возможным созидание художественного мира небольшому числу олимпийцев. В этом - источник той злобы, которую коммунисты и социалисты и их бледные потомки, белая раса "либералов", питали во всякое время к искусству, а также и к классической древности. Если б культура действительно зависела от произвола народа, если б здесь не действовали силы, являющиеся для единичного лица законом и преградой, - тогда презрение к культуре, прославление бедности духа, иконоборческое уничтожение прав искусства было бы чем-то большим, нежели восстанием угнетенной массы против единичных трупней; это было бы криком сострадания, который повалил бы стены культуры; стремление к справедливости, к равномерности страдания затопило бы все другие представления. Действительно, чрезмерная степень сострадания на некоторое время подтачивала, ломала то тут, то там плотины культурной жизни; радуга сострадающей любви и мира появилась с первой зарей христианства, и при ее свете был рожден прекраснейший ее плод, Евангелие от Иоанна. Но есть примеры, что могучие религии в течении долгих периодов обрекают на окаменелость известные стадии культуры и неумолимым серпом обрезают все, что еще сильно и хочет продолжать расти. Не надо забывать одного: та же самая жестокость, которую мы находим в основе каждой культуры, лежит в сущности каждой могучей религии и вообще во всей злой природе власти; так что нам должно быть понятно, что и культура с ее призывом к свободе или по крайней мере к справедливости разбивает чересчур высоко воздвигнутое строение религиозных требований. То, что хочет или, вернее, должно жить при этом ужасном положении вещей, является в основе своего существа отпечатком изначального страдания и изначального противоречия; значит, земному органу наших глаз оно должно представиться как ненасытная жажда бытия и вечное противоречие с самим собой в форме времени, то есть как становление. Каждое мгновение пожирает предшествовавшее мгновение; каждое рождение является смертью бесчисленных существ; рожать, жить и убивать - одно. Вот почему мы можем сравнивать блестящую культуру с обагренным кровью победителем, который в своем триумфальном шествии волочит привязанных к его колеснице побежденных как рабов: какая-то благодетельная сила, кажется, ослепила им глаза, и они, чуть не раздавленные колесами колесницы, все еще кричат: "Достоинство труда! Достоинство человека!" Пышная Клеопатра, культура, постоянно бросает драгоценнейшие жемчужины в свой золотой бокал! Эти жемчужины - слезы сострадания к рабам и страдания рабов.

Из изнеженности новейшего человека, а не из истинной и глубокой жалости к

тем страданиям родились чудовищные социальные нужды настоящего времени, и если верно, что греки погибли вследствие рабства, то еще вернее то, что мы погибнем вследствие отсутствия рабства – того рабства, которое ни первоначальному христианству, ни германству не казалось не только недостойным, но даже и предосудительным как трогателен в наших глазах образ средневекового подневольного человека с его внутренне сильными и нежными отношениями в правах и обычаях к высшему классу, с глубокой осмысленностью его узкого, но уютного существования – как трогателен он и вместе с тем как укоризнен!

Тот, кто не может думать без грусти о конфигурации общества, кто научился понимать как длящееся болезненное рождение того привилегированного культурного человека, в службе которому должно исчахнуть все остальное, – тот не будет обманут тем ложным блеском, которым наши современники окружили происхождение и значение государства. Чем именно может являться для нас государство, как не средством возникновения и продолжения только что описанного социального процесса? Как бы ни было сильно в отдельном человеке стремление к общению – только железные тиски государства могут сплотить друг с другом большие массы настолько, чтобы могло начаться то химическое разложение общества и образование его новой пирамидной надстройки. Но каково происхождение этой неожиданной власти государства, цель которой лежит так далеко вне рассудка и эгоизма единичной личности? Как произошел раб, слепой крот культуры? Греки проговорились об этом в своем правовом инстинкте, который и в здоровой полноте цивилизации и гуманности не переставал возвещать из медных уст следующие слова: "Победителю принадлежит побежденный с женой, детьми, всем имуществом. Сила дает первое право, и нет права, которое в своей основе не являлось бы присвоением, узурпацией, насилием". Здесь мы опять видим, с какой настойчивостью природа, чтобы создать общество, кует суровое орудие государства – именно того победителя с железной рукой, который не что другое, как объективация вышеупомянутого инстинкта. По неопределимой величине и могуществу таких завоевателей наблюдатель чувствует, что они являются лишь средством обнаруживающийся в них и тем не менее скрытой от них цели. От них как будто исходит магическая воля; так загадочно быстро примыкают к ним слабые силы, так чудесно превращаются они при неожиданном росте этой могучей лавины, под обаянием того творческого ядра, приобретая небывалую дотоле силу химической реакции.

Если мы теперь посмотрим, как мало покоренные вскоре затем думают об ужасном происхождении своего государства – в сущности говоря, нет такого рода событий, о котором история осведомляла нас хуже, нежели о возникновении тех неожиданных, насильственных, кровавых и по крайней мере в одном пункте необъяснимых узурпаций; если, напротив, сердца невольно стремятся к заманчивости возникающего государства, предчувствуя невидимо глубокую цель там, где расчетливый разум способен видеть лишь сложение сил; если теперь даже государство ревностно считается целью и вершиной жертвования и долга единиц, то из всего этого видна огромная потребность в государстве, без которой в природе не удалось бы достигнуть своего "освобождения иллюзий" в зеркале гения. Какие только познания не преодолевает инстинктивное стремление к государству! Можно было бы думать, что существо, заглянувшее в происхождение государства, впредь будет искать своего спасения в пугливом отдалении от него. И где не видны памятники его происхождения – опустошенные страны, разрушенные города, одичавшие люди, всеистребляющая ненависть народов! Государство с его позорным происхождением для большинства людей – постоянный источник бедствия, в часто повторяющихся периодах пожирающего пламя рода человеческого – и при всем этом это звук, при котором мы забываемся, военный клич, воодушевивший у бесчисленным и действительно героическим поступкам, может быть, высшее и достойнейшее явление для слепой и эгоистичной массы, которая только в страшные моменты государственной жизни несет на своем плече удивительный отпечаток величия.

Греков же, ввиду единственной солнечной высоты их искусства, мы уже представляем себе как "политических людей в себе"; и действительно, история не знает второго примера такого ужасного разнуздания политического стремления, такого полного приношения в жертву инстинкту государственности всех других интересов – в крайнем случае можно сравнить и по тем же причинам выделить таким же титулом людей Ренессанса в Италии.

Вышеупомянутое стремление у греков так обострено, что оно постоянно начинает свирепствовать против самого себя и кусает собственное тело. Кровавое соперничество города с городом, партии с партией, страсть к кровопролитию в тех маленьких войнах, достойный тигра триумф над телом низложенного врага, короче говоря, непрерывное возобновление троянских сцен борьбы и ужасов, в созерцании которых Гомер, как истинный эллин, радостно

Ницше Фридрих Греческое государство filosoff.org
погружается, – на что указывает это наивное варварство греческого государства, в чем его оправдание перед судом вечной справедливости? Гордо и спокойно выступает перед ним государство; оно ведет за руку прекрасную, цветущую женщину – греческое общество. За эту Елену вело оно ту войну – какой седобородый судья дерзнет его осудить?
При той таинственной связи, которую мы предполагаем между государством и искусством, политической страстью и художественным творчеством, полем битвы и произведением искусства, мы понимаем под государством, как сказано, лишь железные тиски, которые насильственно создают социальный процесс: в то время как без государства в естественном *bellum omnium contra omnes* общество в большей своей части и в не области семьи не может пустить корней.
Теперь, когда всюду образовались государства, стремление *bellum omnium contra omnes* время от времени концентрируется в страшных народных бурях и разряжается редкими, но зато более грозными ударами и молниями. Но в промежутках под сосредоточенным действием того *bellum'a*, направленного внутрь, обществу дается времени расти, зеленеть и, как только настанет несколько теплых дней, дать распустится блестящим цветам гения.
Говоря о политическом мире эллинов, я не буду скрывать, в каких именно явлениях действительности я вижу для искусства и общества одинаково опасные вырождения политических начал. Если б существовали люди, которые самим рождением были бы поставлены как бы вне народных и государственных инстинктов и которые, таким образом, считались бы с государством, поскольку оно касалось бы их личных интересов, то подобные люди должны были бы представить себя как последнюю государственную цель – ненарушимое сосуществование больших политических совокупностей, в которых им самим будет предоставлено следовать собственным побуждениям, прежде всех и безо всяких ограничений. С этим представлением в голове они будут содействовать той политике, которая наиболее обеспечивает эти намерения; в то же время не мыслимо, чтобы они, действуя против своих намерений, руководились бессознательным инстинктом и приносили бы себя в жертву государственной тенденции, немыслимо, потому что им недостает именно того инстинкта. Все остальные граждане государства находятся в неизвестности относительно того, что имеет ввиду природа с ее инстинктом государственности, и поэтому повинуются слепо; только стоящие вне этого инстинкта знают, чего они хотят от государства и что государство может им дать. Вот почему совершенно неизбежно, что такие люди приобретают большое влияние в государстве; они могут смотреть на государство как на средство, в то время как остальные, находящиеся под властью неизвестных намерений государства, сами являются лишь средством государственной цели. Идем далее. Чтобы лучше использовать государство для своих корыстолюбивых целей, необходимо, прежде всего, чтобы государство совершенно обходилось от тех страшно нерасчетливых военных конвульсий; потому они домогаются совершенно сознательно такого положения, в котором война была бы невозможностью. Для этого надо прежде всего по возможности ограничить и ослабить политические исключительные стремления и довести благоприятный исход наступательной войны и войны вообще до полной невозможности при помощи больших, равновесящих государственных групп со взаимным обеспечением последних; а с другой стороны, они стараются отнять от мира, чтобы иметь возможность апеллировать к эгоизму массы или к ее представителям; для этого им опять-таки необходимо медленно разложить монархические инстинкты народов. К этой цели они подходят при помощи всеобщего распространения либерально-оптимистического мировоззрения, имеющего свои корни в учениях французского просвещения и революции, следовательно, совершенно не германской, а чисто романской, плоской и не метафизической философии. Я не могу не видеть в настоящем национальном движении и в одновременном распространении всеобщего права голоса прежде всего действия страха войны. Я не могу не заметить на фоне этих движений как действительных носителей страха тех интернациональных безродных финансовых отшельников, которые при естественном отсутствии инстинкта государственности научились злоупотреблять политикой как биржевым орудием, а государством и обществом – как средством обогащения самих себя.
Единственным противоядием против этого опасного отклонения государственной тенденции к денежной тенденции является война и опять-таки война; в ее возбуждении станет по крайней мере ясно, что государство не основано на страхе перед демоном войны как убежище для эгоистичных единиц, но дает этический размах в любви к родине и государям. И если я указываю на это использование революционных мыслей для выгод корыстолюбивой негосударственной денежной аристократии как на опасное свойство политической действительности; если я понимаю огромное распространение либерального оптимизма как результат попавшего в странные руки современного денежного хозяйства и признаю весь вред социальных положений вместе с

Ницше Фридрих Греческое государство filosoff.org
необходимым упадком искусств, выросшим из того корня или сросшимся с ним, - то пусть простит мне при случае мое прославление войны. Страшно звенит серебряный лук этого демона; и хотя он шествует, ночи подобный, - он все-таки Аполлон, настоящий бог освящения и очищения государства. Но сперва, как говорится в начале Илиады он пускает свои стрелы в мулов и собак, после чего он попадает в людей; и всюду пылают костры с телами. Этим высказано, что война для государства - такая же необходимость, как раб для общества; и кто мог бы отделаться от этого сознания, честно спросив себя о причинах недостижимого греческого художественного совершенства?
Тот, кто войну и ее орудие, военное сословие, будет рассматривать в их отношении к вышеописанной сущности государства, должен прийти к тому убеждению, что в войне и военном сословии мы имеем перед глазами образ или, вернее прообраз государства.
Тут мы видим действие той военной тенденции - непосредственное разложение и разделение хаотической массы на военные касты, из которых из которых подымается пирамидально, на самом широком подневольном слое, строение "военного общества". Бессознательная цель всего движения подчиняет под свое ярмо каждого частного человека и в разнородных натурах производит как бы химическое претворение их свойств, чтобы они были приведены в сродство с той целью. В высших кастах чувствуется уже сильнее сущность этого внутреннего процесса, а именно, что имеется ввиду рождение высшего гения, которого мы признали за первоначального основателя государства. На многих государствах, например на Ликурговом государственном устройстве Спарты, можно ясно видеть отпечаток основной идеи государства, рождение военного гения. Представим теперь первобытное военное государство в живом, бодром состоянии, за его настоящей "работой", и пусть вся техника войны предстанет перед нашими глазами; тогда мы не сможем удержаться от вопроса относительно всосанных нами отовсюду понятий о "достоинстве человека", о "достоинстве труда". А именно: согласуется ли с понятием "достоинство" труд, имеющий своей целью уничтожение своих достойных людей, а также подходит это понятие к человеку, которому поручен этот "достойный" труд или же в этой военной задаче государства взаимно уничтожаются эти взаимно противоречивые понятия? Я бы думал, что воинственный человек является лишь орудием для военного гения; и не как абсолютному человеку негению, а как орудие гения, который может желать и его уничтожения как средства военно-художественного творения - ему может быть присвоена некоторая степень достоинства, а именно достоинство стать орудием гения. Но то, что было здесь показано на единичном примере, имеет значение и в общем: каждый человек со своей его военной деятельностью имеет лишь постольку достоинства, поскольку он сознательно или бессознательно является орудием гения, из чего можно вывести этическое последствие, что "человек в себе", абсолютный человек, не обладает ни достоинством, ни правами, ни обязанностями; лишь как существо, вполне predeterminedное, служащее бессознательным целям, человек может оправдать свое существование. После таких соображений совершенное государство Платона является творением гораздо большим, нежели это думают даже самые горячие из его поклонников, - не говоря уж о той улыбке превосходства, с которой наши "исторически образованные" люди любят отвергать подобное произведение древности. Настоящая цель государства - олимпийское существование и постоянно обновляемое рождение и подготовка гения, по отношению к которому все остальное является орудием, вспомогательным средством, способом - здесь найдена при помощи творческой интуиции и изображена с яркой осязательностью. Платон смотрел через ужасающе разрушенную герму тогдашней государственной жизни и открыл в ее ядре нечто и до сих пор божественное. Он думал, что можно вынуть этот божественный образ и что ужасная, варварски искаженная оболочка не принадлежит к сущности государства; все усердие и благородство его политической страсти устремились на эту веру, на это желание - то этого пыла он сгорел. Изъян же, состоящий в том, что в своем совершенном государстве он поставил на высшую точку на гения в его общем смысле, а лишь гения знания и мудрости и что гениальных художников он вообще исключил из своего государства, - этот изъян был прямым последствием сократовского суждения об искусстве, которое Платон присвоил себе в борьбе с самим собою. Этот более внешний и почти случайный пробел не должен мешать нам признать в общей концепции платоновского государства чудесный великий иероглиф глубокой и вечно требующей объяснения связи между государством и гением: то, что удалось угадать в этом таинственном произведении, мы высказали в этом предисловии.

Ницше Фридрих Греческое государство filosoff.org
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!